

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА «КОТИН ДОИЛЕЦ И ПЛАТОНИДА»

Т. Н. Усольцева

*Гомельский государственный медицинский университет, ул. Ланге 5,
246000, г. Гомель, Беларусь, tnu610205@gmail.com*

В статье рассмотрены примеры обращения Н. С. Лескова к библейскому тексту на материале рассказа «Котин доилец и Платонида». Анализ библейских реминисценций обнаруживает неслучайность, осознанность их использования писателем. Апелляция к тексту Священного Писания позволила писателю не только осмыслить острые проблемы современного общества, определив их нравственную составляющую в качестве первостепенной, наиболее значимой, но и продемонстрировать их вневременной характер.

Ключевые слова: праведник; рассказ; путь; мотив; реминисценция; пророк; символ; образ; оппозиция.

BIBLICAL TEXT IN THE STORY OF N. S. LESKOV “KOTIN DOILETS AND PLATONIDA”

T. N. Usoltseva

*Gomel State Medical University, Lange str. 5, 246000,
Gomel, Belarus, tnu610205@gmail.com*

The article examines examples of N. S. Leskov's appeal to the biblical text based on the story “Kotin doilets and Platonida”. The analysis of biblical reminiscences reveals the writer's deliberate use of them. The appeal to the text of the Holy Scripture allowed the writer not only to comprehend the pressing problems of modern society, defining their moral component as the primary and most significant, but also to demonstrate their timeless nature.

Key words: righteous man; story; path; motive; reminiscence; prophet; symbol; image; opposition.

В рассказе Н. С. Лескова «Котин доилец и Платонида» писатель изображает два типа праведников, два пути обретения человеком своего истинного пути, приближающего его к постижению смысла бытия и ко Христу.

«Котин доилец и Платонида» Н. С. Лескова впервые напечатали в «Отечественных записках» (1867) как часть незаконченной романической хроники «Чающие движения воды», но уже в этом же году, когда для писателя стало очевидно, что работа над этим произведением не мо-

под свое крыло двух девочек-сироток, то обретает и свое имя — Константин Ионыч.

Следует отметить и то, что имена персонажей отсылают нас к библейскому тексту или житийной традиции: Авенир — военачальник и двоюродный брат Сеула (1Цар. 14:50–51), Иоиль — пророк, призывавший к покаянию, а имя Константин чаще всего соотносится с именем раннехристианского святого Константина I.

При создании образа Пизонского беллетрист расширяет пространство художественного текста, прибегая к библейским реминисценциям, что позволяют трактовать этот персонаж не как нелепого неудачника, но как праведника. Уродливую, комичную фигуру этого человека Лесков сравнивает с пророком Елисеем, учеником пророка Илии: «С непокрытою от рассеянности головою прошел он по всему городу, удивляя своею лысиною прохожих, которые смеялись над ним злее, чем дети смеялись над лысым пророком; но Пизонский, однако, был терпеливей пророка: он никого не проклинал, а только тихо поплакал, севши под ракитой за городскою заставой» [2, с. 228].

Насмешки над лысиной Елисея, как и стремление изгнать его из города, свидетельствовали, скорее, не о желании поглумиться над человеческими недостатками, но о неприятии и неверии в его пророческий дар, за что Господь расправился с жестокими детьми [1]. Облик Пизонского вызывает смех у людей, которые не знакомы с ним. У него нет защитника, способного оградить от подобной жестокости, Константин привык к тому, что окружающие издеваются над его внешним видом, над его ограниченными способностями и «запуганностью», но он не может принять своего одиночества и ненужности, поэтому активно начинает «искать какого бы то ни было приюта» [2, с. 228].

Первое сравнение Пизонского с пророком Елисеем скорее внешнее, формальное, но сам факт возможного сопоставления этих двух лиц делает странную фигуру Котина более значимой и глубокой. В следующем эпизоде Лесков уже не отсылает напрямую к образу пророка Елисея, он прибегает к скрытой реминисценции, которая приобретает ключевое значение для понимания персонажа. Речь идет о ситуации, когда Константин Ионыч ночью согревает девочек-сироток своим телом: он «сел над ними на корточки, как наседка, и, подобрав их под грудь, в течение всей короткой ночи согревал их животную теплотою собственного тела и сам плакал... сладко плакал от счастья» [2, с. 231].

Это описание напоминает эпизод оживления ребенка пророком Елисеем, который передавал умершему свое тепло: «Он лег поверх мальчика, прижался губами к его губам, глазами — к его глазам, ладонями — к

его ладоням. Так он припал к ребенку, и в теле того затеплилась *жизнь*» (4Цар. 4:34).

Пизонский, отдавая свое телесное тепло, словно вдыхает в девочек жизнь и открывает перед ними новые горизонты: обреченные на нищенство сироты получают любовь, заботу, возможность учиться и быть просто детьми, а не добытчиками пропитания для себя и старухи, которая взяла их к себе, чтобы нажиться на них.

Имя еще одного пророка упоминает уже сам Константин Ионыч, когда рассказывает бабушке Февронье Роховне эпизод из жития Илии, которого кормили вороны по повелению Бога: «сидел пророк Илия один в степи безлюдной; пред очами его было море синее, а за спиною острая скала каменная, и надо бы ему погибнуть голодом у этой скалы дикой. <...> Да послал к нему господь ворона, — говорил, оживляясь, Пизонский, — и повелел птице кормить слугу своего, и она его кормила. Замечай: птица, бабушка, кормила! *птица!*» [2, с. 241] (Ср.: «пошел и остался у потока Хорафа, что против Иордана. И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил» (3Цар. 17:5–6)).

Речь Пизонского, который в обыденной жизни не может связать двух слов и путается в своей половой принадлежности, говоря о себе в женском роде, совершенно меняется, когда он молится или проводит параллели между эпизодами библейской истории и его собственным бытием. Тогда она звучит торжественно, наполняется фольклорными образами: «море синее», «острая скала каменная», «скала дикая», «погибнуть голодом», а обстоятельства, в которых он, обычный человек, оказался, Константин Ионыч запросто сравнивает с периодом из жизни пророка Илии, отправленного Богом в уединенное место, чтобы спасти того. В этих речах нет вызова, гордости, осознания своей значимости, все в них только свидетельствует об искренности и простоте веры персонажа Лескова, об убежденности в любви Христа к человеку и о том, что Пизонский, не задумываясь о возможном и невозможном, доверяет Христу, а историю отношений человека и Бога воспринимает как свою личную историю.

Зачастую Константин Ионыч обращается к образам птиц, которые воспринимаются как символические: «И послал мне господь двух птиц: летает ко мне ворон Авенир, и печется обо мне белая лебедь Платонида Андревна, и прокормят они меня с цыплятками моими...» [2, с. 241]. При первой встрече он называет девочек-сироток «голубятками» [2, с. 229], потом «бедными птенчиками» [2, с. 240].

Символика образов птиц связана в тексте Лескова как с фольклорной, так и с христианской традицией. Ворон символизирует и смерть, и

связь с дьяволом, но при этом именно вороны были посланниками Бога и кормили пророка Илию. Авенир предстает и как соблазнитель Платониды, и как добрый ее посланник и помощник. Лебедь ассоциируется с чистотой, даже с Богородицей, но при этом и со смертью. Для того, чтобы очиститься от грехов, гордая красивая женщина Платонида умерла для мирской жизни, уйдя в монастырь, она даже «проплакала очи», больше не может видеть окружающего мира и становится «провидицей». Традиционно противопоставление символов ворона и лебедя, белого и черного, жизни и смерти свидетельствует и о неразрывной связи живого и мертвого. Платонида и Авенир переживают трансформацию, но раскаяние в грехах их приводит к разным дорогам: она пришла к Богу, а он заслужил «чин и крест» и «женился на генеральской дочери» [2, с. 261].

Символ голубя в ветхозаветной традиции связан с благой вестью, в Новом Завете является олицетворением Духа Святого. В произведении Лескова эти два значения оказываются неразрывно связанными: встреча с племянницами-сиротками стала той самой поворотной точкой, изменившей жизнь Константина Пизонского.

После исключения из духовного училища его не заботила нищета, в которой он жил. Духовной пищей молодому человеку служили романтические поэмы Дж. Байрона, И. И. Козлова, а нравственным кредо — песня, которую они распевали с приятелем-ремесленником:

О человек! Вспомни свой век.
Взгляни ты на гробы,
Они вечны дома [2, с. 247].

Эти строки явно отсылают к ветхозаветным словам: «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» (Сх. 7:39), которые позволяют судить о том, что определяющей доминантой веры был страх перед смертью. Но изменившиеся обстоятельства жизни приносят и изменения в понимание веры.

Страх перед окружающим миром исчезает благодаря любви к детям и желанию сделать их жизнь более счастливой (Ср.: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1Ин. 4:18)). Любовь становится смыслом жизни Константина Ионыча. Он обретает семью, а из неприкаянного несуразного человека становится ловким, нужным всему городу, почитаемым «собственником и гражданином» [2, с. 247]. Его жизнь освещается любовью, в нем просыпается творец, что позволяет ему построить отдельный маленький рай, преобразив пустырь на острове, данном ему городом в пользование.

Таким образом, в рассказе «Котин доилец и Платонида» Лесков обращается как к ветхозаветному, так и к евангельскому тексту. Библейские реминисценции выполняют в рассказе несколько функций.

Благодаря обращению к тексту Священного Писания бытовой рассказ о нелепом существе приобретает философское звучание, его поступки воспринимаются не как неразумные действия дурака, не понимающего, что он творит, а как осознанные шаги человека, живущего по Христовым заповедям и следующего своим чувствам.

Кроме того, первоисточником всех проблем современного ему общества Лесков видел нравственное несовершенство человека, а обращение к библейскому тексту позволяло читателю увидеть, с одной стороны, вневременной их характер, а с другой стороны, возможность выбора, которую имеет каждый вне зависимости от социального положения.

Лескову удастся показать, что любовь и вера в Христа — это те силы, которые способны преобразить личность коренным образом, дать ей смысл и возможности прожить жизнь, не изменяя своему предназначению.

Библиографические ссылки

1. *Кашкин А. С.* Пророк Елисей и вефильские дети: экзегетический анализ 4 Цар. 2:23–24 // Христианское Чтение [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Kashkin/prorok-elisej-i-vefilskie-deti-ekzegeticheskij-analiz-4-tsar-2-23-24/ (дата обращения: 28.08.2024).
2. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1. М. : ГИХЛ, 1956.
3. *Ромодановская Е. К.* Сюжетный комплекс «переодевание» и мотив потери одежды в повестях о гордом царе // Критика и семиотика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature2/romodanovskaya-10.htm>. (дата обращения: 28.08.2024).